так и отечественных филологов. Великая французская литература запечатлелась в русском языке большим количеством КВ, что подтверждается большинством отечественных справочников. Как и другие иноязычные крылатые обороты, переведенные на русский язык, а иногда и продолжающие цитироваться на языке оригинала, они становятся неотъемлемой частью фразеологического языкового фонда. В числе наиболее известных французских авторов, таких как А. Дюма-сын, Бомарше, Мольер, Ф. Рабле, Вольтер, В. Гюго, преобладают произведения Ж. де Лафонтена. Следует также отметить вхождение в языки КВ-галлицизмов из синтетических видов искусства, особенно кино: «Скромное обаяние буржуазии», «Закон есть закон», «Фантомас разбушевался» и пр.

Литература

1. *Амосова, Н.Н.* О диахроническом анализе фразеологическихединиц / Н.Н. Амосова // Исследования по английской филологии: Сб. 3. – Л., 1965. – С. 101 – 106.
2. *Ашукин, Н.С.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: 1988.
3. *Бабкин, А.М.* Словарь иноязычных выражений и слов: ок. 14 000единиц / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – М., 2005.
4. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М., 2005.
5. *Гвоздарев, Ю.А.* Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н/Д., 1977.
6. *Дядечко, Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология / Л.П. Дядечко. – М., 2006.
7. *Жуков, В.П.* Фразеологизм и слово: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.П. Жуков. – Л., 1967.
8. *Князев, Ю.П.* Словарь живых крылатых выражений русского языка: ок. 4000 крылатых выражений / Ю.П. Князев. – М., 2010.
9. *Кунин, А.В.* Английская фразеология: Теоретический курс / А.В. Кунин. – М., 1970.
10. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М., 1986.
11. *Ларин, Б.А.* Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б.А. Ларин // Ученые записки ЛГУ. № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – Л., 1956. – С. 424 – 441.
12. *Мокиенко, В.М.* Затемнение образности фразем и фразеологические модели / В.М. Мокиенко // Проблемы фразеологии: республиканский сборник. – Тула, 1977. – С. 46 – 51.
13. *Мокиенко, В.М.* Вариантность фразеологии и проблема индивидуально-авторских фразеологическихединиц / В.М. Мокиенко // Современная русская лексикография. – Л., 1979. – С. 19 – 26.
14. *Мокиенко, В.М.* Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М., 1989.
15. *Назарян, А.Г.* Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М., 1987.
16. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: 2005.
17. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / [В.Г. Гак и др.]; под ред. В.Г. Гака. – М., 2005.
18. *Ройзензон, Л.И.* Фразеологизация как лингвистическое явление / Л.И. Ройзензон // Труды Самаркандского гос. ун-та. Новая Серия. № 113. – Самарканд, 1961. – С. 119 – 129.
19. *Серов, В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. – М., 2005.
20. *Солодухо, Э.М.* Вопросы сопоставительного изучения заимствований фразеологии / Э.М. Солодухо. – Казань, 1977.
21. *Солодухо, Э.М.* Проблема интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э.М. Солодухо. – Казань, 1982.
22. *Солодухо, Э.М.* Особенности фразеологической интернационализации по линии заимствования / Э.М. Солодухо // Активные процессы в области русской фразеологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1984. – С. 124 – 137.
23. *Шулежкова, С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М., 2001.
24. *Maloux, M.* Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes / M. Maloux. – 1960.
25. *Rat, M.* Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles / M. Rat. – 2007.
26. *Rey, A.* Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey et S. Chantreau. – 2007.

УДК 81'443

А.Б. Чернышев

ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРФЕМ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВЕКТОРНОЕ ДВИЖЕНИЕ К ОБЪЕКТУ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

В основу исследования положен сопоставительный анализ предложно-приставочных элементов, актуализирующих значение «векторное движение к объекту» в русском, английском и итальянском языках. Теоретическая значимость работы заключается в том, что концептуальное значение, свойственное трем языковым лингвокультурам, рассматривается на уров-

не разных структурно-типологических единиц. В работе делается вывод о том, что употребление предлога или префикса для актуализации значения зависит от конкретных особенностей, связанных с культурой и мировосприятием того или иного социума.

Картина мира, активность, одушевленность, предлог, префикс.

This research presents a comparative analysis of prepositions and prefixes with a meaning of “vector going to an object” in the Russian, English and Italian languages. A theoretical value of the research is based on the fact that a conceptual meaning intrinsic to three linguistics cultures is investigated on the level of different structural and typological units. It is concluded that the use of a preposition or a prefix for the meaning representation depends upon the conditions associated with culture and world perception of this or that society.

Language view of the world, activity, preposition, prefix.

Языковая картина мира – это запечатленное в языковых единицах соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего. Естественно, что неповторимость каждой из национальных языковых картин мира, отражающих результат работы этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной, может быть очевидной лишь на фоне других таких же национальных языковых картин мира с опорой на языковые универсалии. Как отмечают исследователи, специфика национального мировидения может отражаться не только в фактах языка, находящихся в рамках лексической семантики, но также в синтаксисе и морфологии [6]. Целью данной статьи является анализ особенностей функционирования морфем с общим значением векторного движения к объекту в русском, английском и итальянском языках.

Как известно, относительно природы значения морфем имеются противоположные точки зрения – от рассмотрения этих единиц как исключительно связующих грамматических элементов до признания их лексической самостоятельности и собственной семантической структуры. Семантике морфем и, в частности морфем движения, было посвящено несколько комплексных фундаментальных исследований, из которых следует выделить работу Т.Б. Алисовой [1], в которой представлен анализ итальянских предлогов, выполненное в рамках совместного русско-французского проекта исследование Е.Р. Добрушиной и Д. Пайара [10] по проблеме многозначности русских приставок, а также исследование А. Тайлер и В. Эванса [14], посвященное семантике английских предлогов в когнитивном аспекте.

Современные подходы к анализу семантики предлогов и префиксов с применением методов когнитивного моделирования позволяют раскрыть глубинную сущность исследуемого явления и объяснить причины и закономерности многозначности языковой единицы. Под когнитивной моделью понимается ментальная сущность, схематизированный ментальный образ, не осознаваемый говорящим, но позволяющим правильно употреблять (или не употреблять) слово в определенном речевом контексте. Когнитивная модель связана с представлением о двухуровневой структуре семантики многозначного слова. На внешнем уровне располагаются значения (или лексико-семантические варианты) слова; на глубинном уровне располагается когнитивная структура, т.е. «внутренняя форма» слова [2], [13]. Когнитивная модель, которая, как представляется, соотносится с понятием «формальной семантической схемы» [10, с. 14 – 15], является, таким образом, общей для всех значений слова, в частности морфемы.

Движение же, очевидно, является одним из основных значений, репрезентируемых морфемами. При этом понятие «векторного движения к объекту» является специфическим фрагментом языковой картины мира, поскольку предполагает фреймовые знания о совершаемом действии. Выделяется несколько признаков, характеризующих фрагмент «векторное движение к объекту», основанных на понимании функциональной роли агенса, локализируемого объекта (X), и пациенса, релятума (Y), при восприятии движения. К этим дихотомическим признакам могут быть отнесены «активность – инактивность», «контакт – неконтакт», «экстравертность – интравертность», «депендентность – индепендентность».

Активность в теоретическом аспекте рассматривалась в лингвистике в более широком понимании, а точнее в рамках категории. Как отмечает А.Е. Маньков, активность изначально проявляется при определении рода существительных в процессе восприятия предметов как активных (или «инактивных»), что обусловлено их степенью способности оказывать какое-либо воздействие на другой предмет [8]. Как считает А.Ф. Лосев, «любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку» [цит. по 8, с. 81]).

С другой стороны, на фоне так называемого «всеобщего вещевизма» имело место и противоположное миропонимание, основанное на специфичном восприятии человека среди вещей [4], [7]. Подобно тому, как вещь олицетворяется, человек овеществляется. Человек является одушевленным и активным не как субъект, способный осмысленно воспроизводить то или иное действие, а лишь в том отношении, что оказывается неотделимым от вещи, воспринимаемой активной с точки зрения психологии.

Принципиально важным при анализе фрагмента «векторное движение к объекту» оказывается и дихотомический признак «контакт – неконтакт». Понятие контакта, по убеждению Д. Пайара, связано с

прилеганием локализируемого объекта к границе релятума и подтверждается свойствами как объекта, так и релятума и, при необходимости, семантикой глагола [5]. При этом свойства локализируемого объекта и релятума оказываются значимыми для определения границы.

Представляется, что признак контактности / неконтактности определяется восприятием, прежде всего, топологических особенностей объекта. Контакт подразумевает такое достижение *Y-a*, в результате чего *X* полностью оказывается вовлеченным в его сферу, т. е. находится внутри пространства *Y-a*, либо реального, физического, либо психологического. Соответствующим образом, неконтакт, как противоположный случай, имплицирует идею движения по направлению к объекту, не достигая его, оставаясь где-то рядом.

Очередным и связанным с контактностью признаком выступает дихотомия депендентность – индепендентность, которая, как представляется, не получила достаточного освещения в научной литературе. Вместе с тем понимание депендентности, относящееся к функциональной характеристике агенса, оказывается значимым, поскольку основано на итоговом восприятии агенса в результате взаимодействия с пациенсом. Если агенс оказывается полностью вовлеченным в сферу действия пациенса, как бы растворяясь в нем, то имеет место депендентность агенса. Если же при контакте сохраняются собственные функциональные свойства агенса, то справедливо говорить о его индепендентности.

Различение активности – инактивности, контактности – неконтакности, наконец, депендентности – индепендентности как конституирующих признаков «векторного движения к объекту» задает и перспективу восприятия движения. Так, П.В. Дурст-Андерсен при анализе предложно-падежной системы русского языка выделяет интравертную и экстравернтую перспективы движения. Если, по мнению ученого, экстравертная перспектива связана с представлением о движении от близкого объекта к дальнему, то интравертная перспектива предполагает переход от дальнего к близкому [3]. Следовательно, объект выступает в качестве ориентира, относительно которого задается направление движения.

Таким образом, «векторное движение к объекту» представляет собой перемещение, связанное с интравертной перспективой по отношению к активному объекту с достижением контакта при сохранении индепендентного функционального свойства. При этом объект-ориентир рассматривается как активный лишь с точки зрения его топологических свойств и психологического восприятия. Иными словами, активность объекта определяется не по его способности осуществлять то или иное действие, а по его возможности являться точкой отсчета, или ориентиром, по отношению к агенсу. При подобной интерпретации фрагмент «векторное движение к объекту» оказывается актуализированным конкретными единицами языка в зависимости от типа языковой структуры, что подтверждается анализом семантически эквивалентных предложных и префиксальных конструкций с глаголом «бегать» в русском, английском и итальянском языках (см. таблицу).

Таблица

Предложные и префиксальные конструкции с глаголом «бегать» в русском, английском и итальянском языках

Русский		Английский	Итальянский
(1а) Я бегаю **к** Пете	(1б) Я ***при***бегаю **к** Пете	(1в) I run ***to*** Peter	(1г) Corro **da** Pietro
(2а) Я бегаю **к** школе	(2б) Я ***при***бегаю **к** школе	(2в) I run **towards** the school	(2г) Corro **verso** la scuola
(3а) Я бегаю **в** школу	(3б) Я ***при***бегаю **в** школу	(3в) I run ***to*** school	(3г) Corro ***a*lla** scuola

Что касается русского языка, то абстрактная идея векторного движения представлена в семантике предлогов *к* и *в*, а также в семантике префикса *при-*.

Употребление предлога *к* характерно для конструкций (1а), (1б), (2а) и (2б). Дихотомия «одушевленность – неодушевленность» носит ярко выраженный семантический характер. Употребление *к* перед неодушевленным существительным в (1а) при обозначении направления к одушевленному объекту представляется метафоричным, поскольку учитывает признак неконтактности в конструкциях (2а) и (2б), передающих идею движения к неодушевленному объекту при отсутствии контакта с ним. Предлог *к* подчеркивает индепендентность субъекта (агенса), в отличие от конструкций (3а) и (3б), в которых вместо предлога *к* используется предлог *в*, актуализирующий признаки контактности, интравертности и депендентности.

Анализ данных конструкций позволяет сделать предположение о том, что идея самого векторного движения к объекту, предполагающая фиктивное совмещение, или единство двух предметов, оказывается непредставленной в семантике русских предлогов движения, поскольку предлоги *к* и *в* акцентируют внимание на итоговом разностатусном отношении между агенсом и пациенсом. Признак же активности объекта, являющийся основополагающим для фрагмента «векторное движение к объекту», очевидно, актуализируется при функционировании префикса *при-*, который имплицирует идею активного начала пациенса как места совмещения предметов или событий (1б, 2б, 3б). Кроме того, возможность употребления тех же самых предлогов с разноприставочными глаголами – *прибегать* с префиксом *при-* и *бегать* с нулевым префиксом – дает основание усматривать идею совмещения именно в глагольной приставке, а не в предлогах.

В английском языке употребление предлога *to* характерно для конструкций (1в) и (3в). Следовательно, предлог *to* употребляется как перед одушевленными, так и перед неодушевленными существи-

тельными. При формальном отсутствии деления на мужской, женский и средний род все предметы в английской языковой картине мира, очевидно, воспринимаются как неодушевленные, т.е. инактивные, согласно теории вещевизма. Для восприятия инактивности в английском языке очень важным представляется признак контакта, но скорее не как физического, а как психологического. Для выражения направления в сторону объекта при отсутствии контакта с ним употребляется предлог *towards* (2в).

В итальянском же языке в сопоставляемых конструкциях отмечается функционирование разных предлогов. Так, движение к одушевленному объекту репрезентируется посредством предлога *da* (1г), движение к неодушевленному объекту при отсутствии контакта – предлогом *verso*, движение же к неодушевленному объекту при наличии контакта – предлогом *a*. Принимая во внимание тот факт, что предлог *da* употребляется при актуализации признаков как интравертности, так и экстравертности с точки зрения перспективы движения, обозначая как движение к одушевленному объекту (1г), так и движение неодушевленного объекта, то первое значение, как и у предлога *к* в русском языке, представляется метафоричным.

Данное явление энантиосемии, свойственное итальянскому предлогу *da*, очевидно, объясняется тем фактом, что активность в итальянском языке проявляется в зависимости не от восприятия релятума, но от восприятия отношения действия между актантами – воспринимающим и воспринимаемым. Так, анализируя значения индоевропейских пространственно-временных приставок типа *pro-*, Ю.С. Степанов и Е.С. Яковлева справедливо отмечают, что латинские и греческие слова могут иметь диаметрально противоположные значения. Например, греки архаической поры представляли себе, по-видимому, время текущим «сзади», из-за нашей спины, через нас и как бы над нашей головой, «вперед» – от наших глаз в бесконечность ... [12, с. 75].

Подобное восприятие было характерно, вероятно, для многих культур и цивилизаций. Какое отношение данное восприятие может иметь к итальянской культуре и языку?

Как отмечает в своем исследовании Ю.Б. Циркин, в центре всего римского сознания стоял сам Рим. Римляне были абсолютно уверены не только в его вечности, но и в его праве править миром. Все остальное было второстепенно [11]. Таким образом, особенность восприятия ориентира (пациенса) в итальянском языке проявляется, очевидно, в том, что он оказывается обращенным к лицу субъекта независимо от направления движения. Следовательно, любое движение воспринимается как целенаправленное и вместе с тем как исключающее достижение контакта, а все события разворачиваются непосредственно перед субъектом, который оказывается их наблюдателем.

При выражении же непосредственного движении наблюдателя, агенса, к неодушевленному объекту используется предлог *verso* (2г), подчеркивая и неконтактность, и интравертность, и индепенденость, но исключающий активность пациенса с точки зрения его интерпретации как точки отсчета или пункта совмещения.

Идея же совмещения как места единства предметов, очевидно, передается предлогом *a* (3г), являющимся функциональным аналогом английского предлога *to*.

Таким образом, анализируемые морфемы *к, в, при-, to, towards, da, verso, a,* в таких разноструктурных языках как русский, английский и итальянский, выражают общую идею движения. Однако далеко не все из этих морфем являются средством репрезентации такого специфического фрагмента языковой картины мира, как «векторное движение к объекту», выступающего не просто частным случаем движения, но представляющего собой некий фреймовый образ, сценарий отношений между предметами. В результате сопоставительного анализа было выявлено: морфемами со значением «векторное движение к объекту», имплицирующим идею психологической активности объекта, являются глагольная приставка *при-* в русском языке, предлог *to* в английском языке и предлог *a* в итальянском языке.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что функционирование морфем обусловлено не только их реляторскими функциями, обеспечивающими синтаксическую связь речевых элементов в предложении. Семантика морфем, к исследованию которых применимы современные подходы, связанные с методом когнитивного моделирования, отражает исторические закономерности их употребления и особенности мышления нации, формирование того или иного языкового типа. В зависимости от типологии и структуры языка фрагменты языковой картины актуализируются в языковых единицах разного уровня. Семантика морфем – предлогов и префиксов – становится не просто необходимым языковым элементом с точки зрения средства коммуникации, но и достоянием культуры и истории языка.

Литература

1. *Алисова, Т.Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т.Б. Алисова. – М., 1971.

2. *Беляевская, Е.Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. – № 1. – С. 5 – 14.

3. *Дурст-Андерсен, П.В.* Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт» // Логический анализ языка. Языки пространств / П.В. Дурст-Андерсен. – М., 2000. – С. 135 – 151.

4. *Зубкова, Л.Г.* Общая теория языка в развитии / Л.Г. Зубкова. – М., 2003.

5. Исследования по семантике предлогов / под ред. Д. Пайара и О.Н. Селиверстовой. – М., 2000.

6. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М., 2003.

7. *Лосев, А.Ф.* Типы античного мышления / А.Ф. Лосев // Античность как тип культуры. – М., 1988. – С. 78 – 104.

8. *Маньков, А.Е.* Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А.Е. Маньков // Вопросы языкознания. – 2004. – № 5. – С. 79 – 92.

9. *Позднякова, Е.М.* Таксономическая категоризация глагола и концепт «активное начало» в категории имени деятеля / Е.М. Позднякова // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 239 – 257.

10. Русские приставки: многозначность и семантическое единство / под ред. Е.Р. Добрушиной и Д. Пайара. – М., 2001.

11. *Циркин, Ю.Б.* Мифы Древнего Рима / Ю.Б. Циркин. – М., 2000.

12. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1994.

13. *Evans, V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction / V. Evans // Cognitive Linguistics 17 – 4. Walter de Gruyter, 2006. – С. 491 – 534.

14. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning, and Cognition / A. Tyler, V. Evans. – United Kingdom, 2003.

УДК 801.61

М.Е. Чернышева

О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖ. Г. БАЙРОНА)

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

В основу исследования положен лингвостилистический анализ поэтического текста Дж.Г. Байрона "ON LEAVING NEWSTEAD ABBEY" и сопоставительный анализ переводов данного стихотворения, выполненных В.И. Ивановым и В.А. Мазуркевичем на основе выделенных фонетических и лексических средств. В работе делается вывод о том, что достижение максимальной эквивалентности при переводе является сверхсложной задачей по причине отсутствия абсолютно идентичных звуков в фонологической системе разных языков.

Эквивалентность, звукопись, поэтический перевод, поэтический текст.

This research presents a stylistic analysis of the poetic text of G. G. Byron "ON LEAVING NEWSTEAD ABBEY" and a comparative analysis of the poem translations made by V.V. Ivanov and V.A. Mazurkevich on the base of the revealed phonetical and lexical means. It is concluded from the research that the reaching of the maximally equivalent translation is a very difficult task for the reason of absence of the absolutely identical sounds in the phonological system of different languages.

Equivalency, onomatopoeia, poetic translation, poetic text.

Поэтический перевод в России всегда составлял важную часть общего языкового и литературного процесса, и его достижения общепризнанны, что дает основание рассматривать поэтический перевод как неотъемлемую часть общенационального культурного достояния страны, заслуживающую всестороннего изучения. Этой проблемой занимались такие отечественные ученые, как Ю.М. Лотман, В.М. Жирмунский, А.А. Потебня, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Н.В. Перцов.

Поэзия, принадлежащая к высокому стилю в литературе, создает значительные трудности для тех, кто хочет стать поэтом и приблизиться к ней. К переводчику, который должен быть и поэтом, предъявляются большие требования. С одной стороны, он должен сохранить языковую норму и достичь эквивалентности текста перевода тексту оригинала, а с другой – отразить эмоционально-эстетическое содержание произведения.

Проблема эквивалентности перевода поэтического текста, получившая освещение в работах Л.С. Бархударова [2], В.Н. Комиссарова [6], И.С. Алексеевой [1] и других ученых, связана с рядом нерешенных задач. Это потери формы стихотворного текста при сохранении лексико-семантического содержания и, наоборот, потеря системы образов оригинала при сохранении его формы. При работе с поэтическим произведением переводчику необходимо быть максимально внимательным ко всем особенностям авторского текста. Но в процессе перевода проявляются такие препятствия как расхождение систем стихосложения языка оригинала и языка перевода, а также их фонетических, лексико-стилистических и грамматических структур.

Современные исследования в области фонетики, лексики и грамматики позволяют расширить теоретическое осмысление возможностей передачи всех стилистических нюансов при переводе поэтического текста, рассматривать оригинал и переводческий текст под различным углом зрения. Такое представление оказывается справедливым не только в отношении современной англоязычной поэзии, но и в отношении поэзии классической, среди которой особое место занимает поэзия Джорджа Гордона Байро-